

Праздникъ въ китайскомъ захолустьи.

Миссіонерскіе станы въ округѣ Юнпинфу въ провинціи Чжили возникли всего десять лѣтъ тому назадъ. Теперь насчитывается здѣсь до шести сотъ христіанъ въ сорока селеніяхъ. Обыкновенно, каждое селеніе, пожелавшее слушать проповѣдь христіанства, само посылаетъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время своихъ выборныхъ въ главный станъ, гдѣ живетъ священникъ. Тамъ они живутъ нѣкоторое время, занимаются подъ руководствомъ катихизатора, подготавливаются сами ко крещенію, принимаютъ его, получаютъ огласительныя книги, чтобы дома на свободѣ усвоить себѣ все необходимое для оглашенія другихъ, своихъ односельчанъ. При объѣздѣ становъ священникъ обращаетъ особое вниманіе на такихъ готовящихся, каждый разъ прослушиваетъ пройденное ими, даетъ имъ нѣкоторыя порученія, клонящіяся къ разработкѣ почвы для проповѣди, завязывается переписка, составляются списки желающихъ слушать проповѣдь. Такъ образуется маленькая ячейка христіанской общины среди крестьянъ, поддерживаемая ими самими и вполне доступная для каждаго сосѣда. Обращенные не ограничиваются только исповѣданіемъ вѣры, но стараются по мѣрѣ своихъ силъ и скудныхъ средствъ приносить свою лепту на общее дѣло. Такъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ имѣются уже пожертвованныя участки земли для возведенія зданій и храмовъ, могущихъ служить мѣстомъ собранія христіанъ. Теперь эти собранія ютятся или въ наемныхъ помѣщеніяхъ или ссужаемыхъ на время самими же христіанами.

Въ селеніи Лу-вэй-шань, расположенномъ у подошвы горнаго хребта, по вершинѣ котораго тянется часть великой

стѣны и видны ея башни, христіанинъ Петръ Чжанъ пожертвовалъ землю подъ постройку храма, другой далъ матеріалъ, нѣкоторые крестьяне вложили въ это дѣло свой добровольный трудъ и въ теченіи года была построена маленькая церковь, которая и была освящена лѣтомъ прошлаго года при проѣздѣ начальника миссіи черезъ эту мѣстность на возвратномъ пути изъ Монголіи.

Въ прошломъ ноябрѣ насъ пригласили лувэйшаньцы на праздникъ. Мы собрались впятеромъ, — я, катихизаторъ Аѳанасій и три пѣвчихъ ученика. Съ нами была крытая телѣжка и три ослика. Нѣсколько дней предъ тѣмъ дулъ монгольскій вѣтеръ и было довольно холодно, но мы дождались оттепели и погода стояла прекрасная. Мы выѣхали изъ Юнпинфу въ 8 часовъ утра. Унылый осенній пейзажъ разнообразился купами деревь у деревень и кладбищъ, разбросанныхъ по полямъ вблизи жилищъ поселянина. Къ тремъ часамъ дня мы приблизились къ селенію Лу-вэй-шань. Оно тянется по берегу горной рѣчки Цинь-лунъ-хэ, которая почему-то была переполнена водой и сильно бушевала. Надо было ее переѣхать противъ самаго селенія, но какъ разъ никого изъ мѣстныхъ поселянъ не было видно и нельзя было спросить о переѣздѣ. Пришлось Аѳанасію верхомъ на лошади въѣхать въ воду и обслѣдовать переправу. Глубина оказалась значительная, нечего было и думать о томъ, чтобы переѣхать рѣку на осликахъ. Кромѣ того мы опасались за багажъ—церковныя облаченія и книги, а потому рѣшили принять предосторожность, развьючили ослось, часть вещей помѣстили на верхъ телѣжки, часть погрузили на лошадь. Однако намъ пришлось четыре раза ворочаться обратно, чтобы перевезти все. Осликовъ привели кое-какъ за поводъ, бѣдные животные едва ступали жидкими ногами по быстро несущимся круглешами рѣчной гальки; холодная вода искрилась мелкими льдинками, пѣвилась и шипѣла. Съ большимъ трудомъ мы совершили эту переправу, но вполне благополучно и въ бодромъ настроеніи приблизились къ селенію. Дорога насъ нисколько не утомила, а прохладный воздухъ вдохнулъ въ насъ еще большую энергію.

При въѣздѣ въ селеніе мы были обрадованы встрѣчей съ Пантелеимономъ Сунь, которому и вѣрились, такъ какъ онъ былъ мѣстный житель, знавшій всѣхъ христіанъ и ка-

жется предупредившей ихъ о цѣли нашего прїѣзда еще за нѣсколько дней. Онъ проводилъ насъ къ Осіи Чжань, у котораго былъ просторный дворъ и все необходимое для остановки и ночлега. Хозяинъ радостно привѣтствовалъ насъ, приглашая въ фанцуз, но мы пожелали прежде осмотрѣть церковь и приготовить тамъ все нужное для богослуженія. Осія со своими домашними помогъ намъ перенести туда все нужное и убрать церковь. Къ пяти часамъ все было готово, оставался еще часъ до начала службы и рѣшили провести его за чаемъ въ домъ радушнаго хозяина. За чаемъ шла рѣчь о христіанахъ, много ли ихъ придетъ въ церковь. Пантелеимонъ увѣрялъ, что сегодня могутъ придти только ближніе, а изъ-за рѣки никого не будетъ, такъ какъ почью возвращаться домой побоятся, да и рѣку переходить въ бродъ опасно, а мостовъ въ эту осень еще не удалось навести, потому что вода стоитъ высоко. Завтра же къ обѣднѣ придутъ и дальніе христіане. Мы пожалѣли о нихъ, что они не могутъ участвовать въ вечернемъ собраніи и посмотреть свѣтовые картины. Къ концу чая стали подходить односельчане, они привѣтствовали меня. Когда ихъ собралось довольно и солнце уже садилось, мы всѣ отправились въ церковь. Такъ какъ на ударъ въ колоколь (единственный у насъ) стали сходиться и язычники, то Осія Чжанъ назначилъ двоихъ христіанъ смотрѣть за порядкомъ при входѣ въ двери храма, который былъ уже переполненъ молящимися. Всѣ разставлены были рядами по росту, чтобы всѣмъ было хорошо видно служащихъ въ алтарѣ. Во время богослуженія толпа народа на дворѣ сохраняла тишину, какъ и въ храмѣ.

Служба длилась не болѣе часа, но я еще нѣсколько задержался въ церкви чтобы дать возможность Аѳанасію Чжанъ приготовить волшебный фонарь для свѣтовыхъ картинъ. Я вышелъ наружу уже тогда, когда толпа отхлынула по направленію къ палаткѣ устроенной между двумя стѣнами въ переулкѣ и крытой циновками. Тамъ кишѣлъ народъ, слышались возгласы ребятишекъ. Осмотрѣвшись вокругъ я пораженъ былъ красотой вечера. Полная луна только что поднялась изъ вершинъ горнаго хребта и обливала все мягкимъ свѣтомъ, кушы деревъ—кедра и кипарисовъ отбѣнялись темными пятнами; воздухъ былъ прозраченъ, тихъ и живитель-

но прохладенъ. Съ рѣчки доносился шумъ воды, заглушавшій говоръ толпы, которая меня ожидала. Прежде чѣмъ показывать картины я предложилъ присутствующимъ коротенькое вступленіе къ священной исторіи новаго завѣта, такъ какъ картины относились болѣе къ евангельскимъ событіямъ, большею частію къ чудесамъ и притчамъ Спасителя. Слушали внимательно, была такая тишина, что часто во время рѣчи я забывалъ, что говорю большому собранію народа, а не нахожусь наединѣ съ самимъ собою. Кромѣ этого вступленія я еще называлъ каждую картину, что она изображаетъ, стараясь связать одно событіе съ другимъ, впрочемъ отрывочными фразами. А собственно объяснять, какъ это принято, не пришлось: съ появленіемъ первыхъ же картинъ обнаружилось возбужденіе. въ толпѣ, слышались возгласы удивленія, всѣ насторожились, перемѣнили свои мѣста, всѣмъ хотѣлось видѣть поближе, хотя лучше было видно издали. Думаю, что многія картины были не поняты или поняты не такъ, какъ должно. Въ послѣднемъ случаѣ я старался направлять мысли зрителей по надлежащему руслу,—хоропо, что китайскій крестьянинъ не скрываетъ своихъ чувствъ. Многіе здѣсь видѣли фонарь въ первый разъ и ихъ занимало все, къ нему относящееся. Кажется болѣе всего возбуждало любопытство то, какъ картины мѣняются, вѣроятно иные думали, что будетъ показана только одна картина, но ихъ было около тридцати, и всѣ онѣ представляли яркія колоритныя пятна. Мы знали по опыту, что въ первый разъ нельзя сосредоточить вниманіе зрителей на сюжетѣ картинъ, а потому мѣняли ихъ довольно быстро, намѣреваясь въ слѣдующій разъ показать меньше, но остановиться, подробно объясняя каждую. Къ тому же насъ просили почаще прѣзжать въ Луэцшань и привозить фонарь. Когда всѣ картины прошли, народъ не хотѣлъ расходиться, хотя прошло болѣе часа и нѣкоторые безъ привычки сидѣть спокойно долгое время испытывали ощущение холода или нервную лихорадку, особенно дѣти. Я воспользовался случаемъ дать резюме всего видѣннаго, передавъ въ краткихъ чертахъ все дѣло домостроительства Божія о спасеніи человѣка. Стукъ колотушки ночнаго сторожа напомнилъ всѣмъ, что время уже расходиться, пора уже поздняя. Когда народъ постепенно рѣдѣлъ, мы еще нѣкоторое время обсуждали съ устраи-

телями праздника, какъ улучшить палатку на будущее время. Дѣло въ томъ, что полотно, замѣнявшее экранъ къ концу представленія освѣщалось съ другой стороны луною, отъ чего картины теряли свою яркость. Затѣмъ, не было предусмотрѣнно помѣщеніе для женщинъ и дѣтей, которыя были оттѣснены въ сторону и многихъ картинъ вовсе не могли видѣть.—Потому рѣшено на будущей разъ полотно вѣшать такъ, чтобы оно дѣлило все помѣщеніе на двѣ неравныя части, въ большей помѣстятся мужчины, въ меньшей—женщины и дѣти.

Усталость давала себя чувствовать, и мы хотѣли прямо отправиться на ночной отдыхъ, но Осія Чжанъ уговорилъ насъ пройти къ нему поужинать. Послѣ ужина, который продолжался не болѣе четверти часа, пѣвчіе остались у него ночевать, а мы съ Аѳанасіемъ отправились въ свое помѣщеніе близъ церкви.

Утромъ съ семи часовъ стали подходить партіи христіанъ изъ разныхъ сосѣднихъ мѣстечекъ и изъ-за рѣки, такъ что богомольцевъ собралось болѣе чѣмъ было вчера, а зрителей было меньше. И такъ, въ тишинѣ мы начали служеніе литургіи. На запричастномъ стихѣ поученіе я поручилъ сказать крестьянину начетчику Павтелеимону Сунъ. Онъ усердно готовился, а потому прочиталъ недурно. Правда онъ ничего своего не прибавилъ къ комментаріямъ на евангельскую притчу о богачѣ (Лука 12 гл. ст. 16—21), который собиралъ богатство для себя, а не въ Бога богатѣлъ. Оратору, говорившему предъ собраніемъ бѣдняковъ, нравился сюжетъ притчи. Говоря: „въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебя“, онъ выразительно покачалъ головою. По окончаніи литургіи, когда народъ еще не оставилъ церкви, я предложилъ имъ бесѣду на евангельскія темы. Во время этой бесѣды меня привѣтствовали многіе, пришедшіе изъ далека христіане, я радъ былъ ихъ видѣть здѣсь и продлилъ бесѣду на долгое время.

Затѣмъ насъ пригласилъ къ себѣ на завтракъ Сисой Ли, гдѣ разговоръ на душеспасительныя темы продолжался. Трапеза наша окончилась въ одиннадцать часовъ, когда лошади были уже готовы, и мы отправились въ обратный путь, провожаемые христіанами до околицы селенія, гдѣ они трогательно прощались съ нами. Погода была теплая, солныш-

ко весело сіяло. Разстояніе въ 30 верстъ мы проѣхали менѣе чѣмъ въ пять часовъ и въ четвертомъ часу по полудни были уже дома, въ Юнпинфу. Расходы по поѣздкѣ выразились въ двухъ рубляхъ, уплоченныхъ нами за трехъ осликовъ съ погонщиками, да десять копѣекъ на керосинъ, пищею же для себя и кормомъ для животныхъ мы пользовались отъ христіанъ по добровольному ихъ расположенію, что должно считать крупнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ проповѣди.

Священникъ Михаилъ Танъ.